

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката Г.

12.03.2026

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов Саськова К.Ю., Пановой В.С., членов Совета Зеленского А.В., Ибряновой Г.А., Кониной Н.Н., Краузе С.В., Манкевича А.Е., Морозова М.А., Передрука А.Д., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Семеняко М.Е., в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 12.03.2026 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 21.07.2025 президентом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга Тенишевым В.Ш.,

установил:

Поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. послужила жалоба М.М.А., поступившая в АП СПб 14.07.2025; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 23.07.2025.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 20.11.2025 в действиях (бездействии) адвоката Г. усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также КПЭА:

- п. 1 ст. 8 КПЭА: *«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом».*

Нарушение выразилось в следующем.

15.05.2024 заявитель М.М.А. был задержан в связи с возбуждением уголовного дела следственным отделом по Калининскому району Главного следственного управления Следственного комитета России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Вечером 15.05.2024 в следственный отдел прибыл адвокат Г., который сообщил, что по просьбе родственников будет представлять интересы М.М.А. по соглашению.

В этот же день между адвокатом Г. и М.М.А. было заключено соглашение на защиту заявителя на предварительном следствии.

Квалифкомиссией установлено, что адвокат Г. принимал участие в следственных действиях, которые проводились два дня – в день возбуждения уголовного дела, 15.05.2024, и 04.04.2025.

15.05.2024 адвокат Г. принял участие в предъявлении обвинения, избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде, а также в двух допросах:

- допросе подозреваемого, который длился 29 минут;
- допросе обвиняемого, который длился 16 минут и проходил в ночное время.

В процессе допросов адвокат Г. не задал ни одного вопроса допрашиваемому, что, по мнению Квалифкомиссии, подтверждает утверждение М.М.А. о пассивности адвоката при производстве следственных действий, в том числе при осуществлении допросов.

04.04.2025 адвокат Г. участвовал в следующих следственных действиях:

- предъявлении уточненного обвинения М.М.А.;
- допросе обвиняемого, который длился 30 минут;
- ознакомлении с постановлениями о назначении судебных экспертиз – в течении 2 минут с первым постановлением о назначении судебной экспертизы и 2 минут со вторым постановлением о назначении судебной экспертизы;
- ознакомлении с заключением судебной амбулаторной психолого-психиатрической экспертизы № от 30.01.2025 в течение 4 минут;
- ознакомлении с заключением судебной амбулаторной психолого-психиатрической экспертизы № от 31.01.2025 в течение 4 минут.

Квалифкомиссия пришла к выводу о том, что поскольку психолого-психиатрическая экспертиза, являясь комплексным исследованием личности, проводимым специалистами в различных областях, относится к категории сложных экспертиз, потраченные адвокатом Г. 4 минуты на ознакомление с данным видом экспертизы являются явно недостаточными для того, чтобы осмыслить сделанное экспертами заключение, выявить неполноту либо пробелы в проведённом экспертном исследовании.

Указанные обстоятельства позволили Квалифкомиссии сделать вывод о том, что объём проводимых с М.М.А. следственных действий как 15.05.2024, так и 04.04.2025 был незначительным как по времени, так и по количеству.

Кроме того, по уголовному делу, возбуждённому в отношении М.М.А. и других лиц, срок предварительного расследования неоднократно продлевался, однако в материалах адвокатского производства сведения о продлении срока предварительного расследования отсутствуют.

Квалифкомиссия указывает, что адвокат Г. не представил данных о том, что он выяснял, по каким причинам срок следствия по уголовному делу превышает установленный ч. 1 ст. 162 УПК РФ, поскольку процессуальные акты о продлении срока следствия в адвокатском производстве отсутствуют, что позволяет сделать вывод о том, что заключив соглашение на осуществление защиты с М.М.А., получив от него

денежные средства в качестве вознаграждения, адвокат фактически самоустранился от его защиты по уголовному делу.

При ознакомлении 04.04.2025 с протоколами о назначении судебных психолого-психиатрических экспертиз адвокат Г. не обратил внимание на то, что указанные постановления были вынесены следователем 09.01.2025, а сами экспертизы были выполнены 30.01.2025 и 31.01.2025.

В этой связи Квалифкомиссия, обращая внимание на то, что ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника должно быть осуществлено до начала производства экспертизы, пришла к выводу о том, что несвоевременное ознакомление обвиняемого М.М.А. с постановлением о назначении судебной экспертизы повлекло за собой нарушение его прав, предусмотренных ч. 1 ст. 198 УПК РФ.

Адвокат Г. при ознакомлении с постановлениями о назначении экспертизы, а также с заключениями экспертов не выяснил у следователя, что препятствовало своевременному ознакомлению его, как защитника, и его подзащитного М.М.А. с постановлением о назначении судебной психолого-психиатрической экспертизы; с тем, чтобы не допустить нарушения прав обвиняемого М.М.А., не зафиксировал этот факт в протоколе ознакомления с заключением судебной экспертизы; не обратился с жалобой на бездействие следователя, повлекшее нарушение прав обвиняемого М.М.А. при назначении и производстве судебной экспертизы.

Кроме того, Квалифкомиссия указала, что в материалах адвокатского производства отсутствуют какие-либо данные, свидетельствующие о том, что адвокат Г., осуществляя защиту М.М.А., обращался с запросами либо ходатайствами, направленными на сбор материала, характеризующего своего подзащитного, во исполнение требований п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Таким образом, Квалифкомиссия усматривает дисциплинарное нарушение в действиях (бездействии) адвоката Г., выразившееся в:

- пассивной позиции при осуществлении защиты М.М.А., в том числе нереагировании на неоднократное продление сроков предварительного расследования;
- отсутствию законного реагирования на нарушение прав М.М.А. при ознакомлении с постановлениями о назначении судебной психолого-психиатрической экспертизы и при её производстве.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 20.11.2025 в действиях (бездействии) адвоката Г. усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также КПЭА:

- п. 2 ст. 19 КПЭА: *«Поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты должны стать предметом рассмотрения соответствующих квалификационной комиссии и Совета, заседания которых проводятся в соответствии с процедурами дисциплинарного производства, предусмотренными настоящим Кодексом».*

Нарушение выразилось в следующем.

Квалифкомиссия усматривает в действиях (бездействии) адвоката Г. нарушение, выразившееся в ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем в связи с недостоверным и несвоевременным документированием операций по принятию денежных средств, непредоставлением доверителю финансовых документов в подтверждение выплаты вознаграждения за оказываемую юридическую помощь.

Согласно выводам Квалифкомиссии адвокат Г. признаёт, что в период с 15.05.2024 по 24.04.2025 доверитель М.М.А. перевёл ему различными платежами 265 000 рублей в счёт оплаты его услуг, и все денежные средства были внесены в кассу адвокатского образования.

21.04.2025, т.е. уже после расторжения соглашения, адвокат Г. внёс в кассу адвокатского образования денежные средства, полученные от подзащитного М.М.А. в разные периоды.

Тем самым адвокат Г. нарушил требования законодательства о надлежащем оформлении адвокатом полученного вознаграждения, допустил ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившееся в том, что, получая от М.М.А. денежные средства в счёт причитающегося ему вознаграждения по заключённому соглашению, адвокат не выдавал доверителю финансовый документ по проведению операций с его средствами (квитанция о приёме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Квалифкомиссия также рассмотрела иные дисциплинарные претензии заявителя М.М.А. о действиях адвоката Г. вопреки законным интересам доверителя: о том, что при осуществлении защиты адвокат руководствовался соображениями собственной выгоды, навязывал доверителю свою помощь, не предоставил отчёт о проделанной работе, однако пришла к выводу о том, что они не нашли своего подтверждения материалами дисциплинарного производства, в связи с чем презумпция добросовестности адвоката не была опровергнута.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 12.03.2026 были извещены надлежащим образом.

Заявитель М.М.А. на заседание явился, выразил согласие с заключением Квалифкомиссии от 20.11.2025, ответил на вопросы членов Совета.

Адвокат Г. на заседание явился, выразил несогласие с заключением Квалифкомиссии от 20.11.2025, пояснил, что гонорар получал от доверителя безналичным переводом, что не требовало выдачи квитанции, при этом после просьбы доверителя выписал приходный кассовый ордер, по делу собрал характеризующие доверителя материалы, однако не ходатайствовал об их приобщении, поскольку планировал сделать это непосредственно перед ознакомлением с материалами

уголовного дела, но не успел этого сделать, так как доверитель отказался от его помощи. Адвокат Г. также ответил на вопросы членов Совета.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, заслушав стороны, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

1. Относительно дисциплинарных претензий, связанных с ненадлежащим оказанием адвокатом юридической помощи.

Совет АП СПб не разделяет мнения Квалифкомиссии о том, что в действиях (бездействии) адвоката Г. усматривается нарушение законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, выразившееся в самоустранении от защиты М.М.А. по уголовному делу, пассивной позиции при осуществлении защиты доверителя, в том числе нереагировании на неоднократное продление сроков предварительного расследования, а также отсутствии законного реагирования на нарушение прав М.М.А. при ознакомлении с постановлениями о назначении судебной психолого-психиатрической экспертизы и при её производстве.

Вопреки утверждениям М.М.А. о том, что действия адвоката Г., связанные с оказанием ему квалифицированной юридической помощи, существенно нарушили его права и законные интересы, указанные дисциплинарные претензии материалами дисциплинарного производства не подтверждаются.

Адвокат несёт дисциплинарную ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей (п. 1 ст. 8 КПЭА).

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Действуя в этом статусе, он самостоятельно определяет круг юридически значимых действий, которые следует совершить в интересах доверителя при оказании ему юридической помощи. По этой причине избранные адвокатом стратегия и тактика ведения дела не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности при отсутствии явных профессиональных ошибок, повлекших причинение доверителю существенного материального ущерба и (или) лишивших его возможности защиты принадлежащего права какими-либо иными способами и средствами.

Иными словами, действия адвоката как лица, в силу своего статуса являющегося профессионалом по вопросам правового консультирования и судебного представительства (защиты), могут быть объективно оценены только с точки зрения их соответствия требованиям процессуальных кодексов и императивным нормам законодательства, которым эти действия, во всяком случае, не могут противоречить.

Выбор тактики защиты относится к профессиональной компетенции адвоката и не может быть предметом дисциплинарной оценки при отсутствии явных профессиональных ошибок, повлекших причинение доверителю существенного материального ущерба и (или) лишивших его возможности защиты принадлежащего права какими-либо иными способами и средствами.

При рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной

ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований.

Материалы дисциплинарного производства не содержат каких-либо доказательств, свидетельствующих о том, что адвокат Г. допустил какие-либо нарушения требований процессуальных кодексов и другого законодательства, которые привели к нарушению прав заявителя М.М.А. или к невозможности (лишению) защиты принадлежащих ему прав и свобод, а в жалобе заявителя М.М.А. не приведены конкретные обстоятельства, которые могли бы указывать на неквалифицированное оказание юридической помощи со стороны адвоката Г.

Совет АП СПб не может согласиться с заключением Квалифкомиссии о том, что время, затраченное адвокатом Г. на ознакомление с двумя заключениями судебной амбулаторной психолого-психиатрической экспертизы, было незначительным для того, чтобы осмыслить сделанное экспертами заключение, выявить неполноту либо пробелы в проведённом экспертном исследовании (ознакомление осуществлялось в течение 4 минут с каждым заключением).

В заседании Совета АП СПб 12.03.2026 стороны не оспаривали установленные Квалифкомиссией обстоятельства.

Совет АП СПб обращает внимание на то, что согласно протоколам ознакомления обвиняемого с постановлениями о назначении судебной экспертизы от 04.04.2025 М.М.А. и его защитник адвокат Г. были ознакомлены с постановлениями следователя от 09.01.2025 о назначении психолого-психиатрической судебной экспертизы, при этом М.М.А. были разъяснены его права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, о чём он собственноручно расписался, однако каких-либо ходатайств им не было заявлено.

Равным образом протоколы ознакомления обвиняемого М.М.А. и его защитника адвоката Г. с заключениями судебной экспертизы не содержат каких-либо замечаний.

Адвокат Г. пояснил, что в ходе расследования уголовного дела М.М.А. проведена комплексная амбулаторная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, по результатам которой подготовлены заключения от 30.01.2025 и 31.01.2025. Согласно выводам экспертов М.М.А. признан вменяемым, способен самостоятельно защищать свои права и интересы, а также не нуждается в лечении.

Заявитель М.М.А. в заседании Совета АП СПб данные обстоятельства подтвердил и пояснил, что полностью согласен с заключениями судебной амбулаторной психолого-психиатрической экспертизы.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб находит несостоятельным вывод Квалифкомиссии о том, что затраченное адвокатом Г. время на ознакомление с судебными амбулаторными психолого-психиатрическими экспертизами было незначительным для того, чтобы осмыслить экспертные заключения, выявить неполноту либо пробелы в проведённых экспертных исследованиях, поскольку этого, согласно объяснениям сторон дисциплинарного производства, вовсе не требовалось, так как заявитель М.М.А. был согласен с результатами проведённых исследований.

Более того, Совет АП СПб полагает необходимым подчеркнуть, что ознакомление адвоката с заключением судебной экспертизы само по себе не означает, что при несогласии с выводами он обязан немедленно изложить свою позицию в письменном виде, равно как и представить аргументы, ставящие под сомнение полноту исследования, либо указать на противоречия и пробелы в тексте заключения.

Добросовестное и результативное исполнение адвокатом профессиональных обязанностей невозможно без тщательной подготовки к делу, включающей изучение материалов дела и ведение записей. Действия адвоката при ознакомлении с результатами судебных экспертиз представляют собой трудоемкую интеллектуальную деятельность, связанную с детальным изучением, анализом и оценкой экспертного исследования, и требуют от него восприятия, понимания и осмысления информации.

Кроме того, в силу ст. 53 УПК РФ адвокат (защитник) вправе привлекать к участию в деле специалистов, обладающих необходимыми знаниями, в том числе для оценки полноты и правильности экспертного исследования с научной или доктринальной точки зрения. Изложенное свидетельствует, что такая процессуальная деятельность защитника требует значительных временных затрат.

Фотографирование или копирование адвокатом заключения судебной экспертизы не может приравниваться к ознакомлению с ним, поскольку является лишь формой и способом реализации права снимать копии с документов (в том числе с помощью технических средств) и может рассматриваться лишь как подготовительный этап к ознакомлению. Реальный анализ и оценка заключения судебной экспертизы могут потребовать от адвоката дополнительного изучения этого документа уже вне помещения следственного органа или следственного изолятора.

Таким образом, незначительное время, указанное в протоколе ознакомления обвиняемого и его защитника с заключением судебной экспертизы как затраченное на производство данного процессуального действия, само по себе не всегда свидетельствует о неисполнении адвокатом обязанности добросовестно и квалифицированно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя (п. 1 ст. 8 КПЭА).

Совет АП СПб считает важным обратить внимание на недопустимость вменять адвокату в качестве дисциплинарного нарушения то обстоятельство, что «объём проводимых следственных действий был незначительным по количеству» (см. абз. 1 стр. 6 заключения Квалифкомиссии от 20.11.2025), поскольку в силу императивной нормы п. 3 ч. 1 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования и принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Более того, дисциплинарные органы адвокатского сообщества не наделены правом оценивать достаточность следственных действий с количественной точки зрения в конкретном уголовном деле – очевидно, что это зависит от различных обстоятельств, и в некоторых случаях по уголовному делу достаточно провести десяток следственных и процессуальных действий, а в других необходимы сотни.

Совет АП СПб также не может согласиться с Квалифкомиссией в том, что в действиях (бездействии) адвокат Г. усматривается дисциплинарное нарушение, выраженное в нереагировании на неоднократное продление сроков предварительного расследования и на нарушение прав М.М.А. при ознакомлении с постановлениями о назначении судебной психолого-психиатрической экспертизы и при её производстве.

Действительно, в силу ч. 3 ст. 195 УПК РФ, следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, а именно:

- 1) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы;

2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении;

3) ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении;

4) ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту;

5) присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту;

6) знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

Согласно правовой позиции, выраженной в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 18.06.2004 № 206-О, ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника должно быть осуществлено до начала производства экспертизы, в противном случае названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с назначением экспертизы и вытекающие из конституционных принципов состязательности и равноправия сторон права, закреплённые ст. 198 УПК РФ, и что соответствующее требование ч. 3 ст. 195 данного Кодекса распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях.

Несоблюдение же при назначении и производстве экспертизы предусмотренных ст. 198 УПК РФ прав названных участников уголовного судопроизводства может быть предметом как прокурорской, так и судебной проверки по их жалобам.

Вместе с тем, как было указано выше, заявитель М.М.А. был согласен с результатами судебных экспертиз, поэтому очевидно отсутствие целесообразности реагирования на это нарушение со стороны адвоката Г.

Напротив, с учётом согласия доверителя с выводами экспертов, заявление адвокатом без необходимости о допущенном следователем нарушении уголовно-процессуального закона при назначении экспертизы, во-первых, свидетельствовало бы об имитации деятельности и ставило бы под сомнение его компетентность; во-вторых, могло бы повлечь затягивание срока расследования уголовного дела; в-третьих, могло бы привести к назначению повторной экспертизы, результаты которой были бы непредсказуемыми и в конечном счёте могли быть диаметрально противоположными тем, которые устраивали обвиняемого.

Уголовно-процессуальный закон не содержит положений, освобождающих суд, прокурора, следователя и дознавателя от обязанности исследовать доводы подозреваемого, обвиняемого о признании тех или иных доказательств не имеющими юридической силы и при возникновении сомнений в допустимости или достоверности этих доказательств – отвергнуть их в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 49 и ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, заявитель М.М.А. не был лишён возможности заявить о нарушении своих прав при назначении экспертизы в будущем.

Более того, такого рода заявления на определённой стадии уголовного дела могли являться тактикой и стратегией защиты.

В этой связи Совет АП СПб напоминает, что органы адвокатского самоуправления не вправе вмешиваться в тактику, определяемую адвокатом при ведении конкретного дела, а претензии доверителя к адвокату в части, касающейся выбранной адвокатом тактики ведения дела, не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре или КПЭА.

Не свидетельствует о допущенных адвокатом Г. нарушениях отсутствие в материалах дисциплинарного производства сведений о том, что он реагировал на неоднократное продление сроков предварительного расследования.

Сам по себе факт продления срока предварительного следствия не является нарушением прав обвиняемого, если он производится в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом.

О законности продления срока предварительного следствия свидетельствует наличие объективных причин (сложность дела или большой объём), которые должны быть изложены в мотивированном постановлении следователя.

В этом случае право на защиту не нарушается, а сам институт продления срока направлен на обеспечение всесторонности, полноты и объективности расследования.

В материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства, подтверждающие, что продление срока предварительного расследования по уголовному делу требовало от адвоката Г. совершения каких-либо действий в интересах доверителя М.М.А.

Наконец, не опровергается материалами дисциплинарного производства и утверждение адвоката Г. о том, что, осуществляя защиту М.М.А., он собрал характеризующие своего подзащитного документы, однако не ходатайствовал об их приобщении, поскольку намеревался сделать это позже.

Как было указано выше, выбор тактики защиты относится к профессиональной компетенции адвоката и в данном случае не может быть предметом дисциплинарной оценки.

Учитывая отсутствие в материалах дисциплинарного производства сведений о ненадлежащем оказании адвокатом юридической помощи, Совет АП СПб руководствуясь подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА, принимает решение **о прекращении дисциплинарного производства** в отношении адвоката Г. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА.

2. Относительно дисциплинарных претензий, связанных с финансовой дисциплиной адвоката.

Квалифкомиссия установила, что адвокат Г. внёс в кассу адвокатского образования денежные средства, полученные от подзащитного М.М.А. в разные периоды, только после расторжения соглашения, тем самым нарушил требования Закона об адвокатуре о надлежащем оформлении адвокатом полученного вознаграждения, допустил ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившемся в том, что, получая от М.М.А. денежные средства в счёт причитающегося ему вознаграждения по заключенному

соглашению, не выдавал доверителю финансовый документ по проведению операций с его средствами (квитанция о приёме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Вопреки выводам Квалифкомиссии, Совет АП СПб не усматривает в действиях (бездействии) адвокат Г. нарушений, выразившихся в ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем в связи с недостоверным и несвоевременным документированием операций по принятию денежных средств, непредоставлением доверителю финансовых документов в подтверждение выплаты вознаграждения за оказываемую юридическую помощь.

Из объяснений сторон дисциплинарного производства следует, что заявитель М.М.А. осуществлял выплату вознаграждения адвокату Г. по соглашению № 07/24 об оказании юридической помощи от 15.05.2024 исключительно безналичными платежами на общую сумму 265 000 рублей.

Совет АП СПб считает заслуживающими внимание доводы адвоката Г. о том, что он не был обязан предоставлять доверителю приходный кассовый ордер при получении денежных средств в счёт уплаты доверителем гонорара в безналичной форме.

Приходный кассовый ордер предназначен для фиксации поступления наличных денежных средств в кассу. Безналичные поступления (на расчётный счёт) подтверждаются банковской выпиской и платежными поручениями, то есть при безналичном расчёте приходный кассовый ордер не оформляется.

Согласно п. 6 Решения Совета АП СПб, утверждённого 04.02.2020 (протокол №1) с изменениями от 29.03.2021 «О порядке оформления соглашений об оказании юридической помощи и их регистрации в документации соответствующих адвокатских образований» установлено, что выплата доверителем обусловленного соглашением вознаграждения (гонорара) за оказание юридической помощи, равно как и выплата компенсации расходов, связанных с исполнением поручения, производится самим доверителем (уполномоченным им лицом) либо путём внесения наличных денежных средств в кассу адвокатского образования, либо путём перечисления соответствующих сумм на счёт адвокатского образования. Осуществление расчётов между адвокатом и доверителем в каких-либо иных формах Законом об адвокатуре не допускается. При внесении доверителем наличных средств в кассу адвокатского образования оформление кассовых операций в адвокатских образованиях производится по приходным кассовым ордерам (форма «КО-1») с выдачей квитанции к приходному кассовому ордеру, подтверждающей приём наличных денег.

Оформление приёма наличных средств в адвокатских образованиях может производиться также по квитанциям в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 №359 «О порядке осуществления наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт без применения контрольно-кассовой техники».

При перечислении денежных средств доверителем на личный счёт адвоката, осуществляющего свою деятельность в адвокатском кабинете, для последующего их перевода на счёт адвокатского образования выдачи квитанции не требуется, поскольку такое перечисление денежных средств может быть подтверждено любой из сторон банковского перевода самостоятельно путём представления банковской выписки или платёжного поручения.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб, руководствуясь содержанием подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА, также приходит к выводу о необходимости **прекращения**

дисциплинарного производства в указанной части дисциплинарных претензий вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Г. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

В части же выводов Квалифкомиссии о несвоевременном внесении адвокатом Г. денежных средств в кассу адвокатского образования, Совет АП СПб отмечает, что жалоба заявителя М.М.А. вообще не содержит дисциплинарных претензий о невнесении денежных средств в кассу адвокатского образования.

В силу п. 4 ст. 23 КПЭА, разбирательство в квалификационной комиссии осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении, изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается.

В соответствии с п. 9 Рекомендаций по рассмотрению дисциплинарных дел в отношении адвокатов (утв. решением Совета ФПА РФ от 15.12.2022, протокол № 18; с изменениями и дополнениями, утв. решениями Совета ФПА РФ от 14.02.2024, протокол № 11, от 23.01.2025, протокол № 20, от 21.01.2026, протокол № 10): «Дисциплинарное обвинение не может выходить за пределы повода для возбуждения соответствующего дисциплинарного производства. Как отмечала Комиссия в Разъяснении от 25.12.2020 «О пределах рассмотрения дисциплинарного дела в квалификационной комиссии», иные выявленные в ходе дисциплинарного разбирательства нарушения квалификационной комиссией не рассматриваются, что не препятствует новому сообщению в адвокатскую палату, содержащему указание на такие нарушения.

Если в ходе дисциплинарного разбирательства от лица, обратившегося с жалобой, представлением, обращением, поступает в письменной форме информация (в виде новых жалобы, представления, обращения; дополнительных жалобы, представления, обращения; письменных объяснений заявителя или возражений заявителя на объяснения адвоката и т.п.) о новом деянии (действии, бездействии), вменяемом адвокату, и при этом отсутствуют предусмотренные Кодексом основания для отказа в возбуждении дисциплинарного производства, то президент адвокатской палаты возбуждает в отношении адвоката новое дисциплинарное производство, которое может быть в соответствии с пунктом 2.1 статьи 20 Кодекса объединено с ранее возбужденным в отношении адвоката дисциплинарным производством».

Следовательно, вопреки запрету, установленному п. 4 ст. 23 КПЭА, в данной части Квалифкомиссия вышла за пределы доводов жалобы, поэтому дисциплинарное производство в этой части **необходимо прекратить** вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, т.е. по основанию, указанному в подп. 8 п. 1 ст. 25 КПЭА.

3. В оставшихся дисциплинарных претензиях заявителя М.М.А. о действиях адвоката Г. вопреки законным интересам доверителя; о том, что при осуществлении защиты адвокат руководствовался соображениями собственной выгоды, навязывал доверителю свою помощь, не предоставил отчет о проделанной работе, Совет АП СПб полностью разделяет выводы Квалифкомиссии об отсутствии сведений о нарушении адвокатом Г. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также КПЭА, признаёт их убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения.

При рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований.

Согласно п. 1 ст. 23 КПЭА разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства.

Учитывая отсутствие в материалах дисциплинарного производства сведений о действиях (бездействии) адвоката Г. в нарушение требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, Совет АП СПб приходит к выводу о том, что указанные обстоятельства подлежали доказыванию заявителем М.М.А., чего им сделано не было.

В заключении Квалифкомиссии в данной части дисциплинарных претензий приведён исчерпывающе полный анализ как доводов заявителя М.М.А. и адвоката Г., так и всех представленных участниками дисциплинарного производства доказательств, и на основании результатов этого анализа сделан обоснованный вывод о том, что доводы адвоката остались неопровергнутыми.

При таких обстоятельствах в данной части дисциплинарных претензий Совет АП СПб соглашается с Квалифкомиссией и признаёт презумпцию добросовестности адвоката Г. неопровергнутой, а дисциплинарное производство в указанной части дисциплинарных претензий – **подлежащим прекращению** на основании подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА.

Совет АП СПб считает заключение Квалифкомиссии соответствующим требованиям КПЭА и достаточным для принятия Советом законного решения по дисциплинарному производству.

Согласно подп. 2 и 8 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству ... решение: 2) о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой, на основании заключения комиссии или вопреки ему, если фактические обстоятельства комиссией установлены правильно, но ею сделана ошибка в правовой оценке деяния адвоката или толковании закона и настоящего Кодекса; 8) о прекращении дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.»*

С учётом указанных обстоятельств Совет АП СПб полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. по основаниям, предусмотренным подп. 2 и 8 п. 1 ст. 25 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 и 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

прекратить дисциплинарное производство № в отношении адвоката Г. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, а также вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства Советом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства (в соответствующих частях).

Президент

Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.